

ИСТОРИЯ

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Культура исследовательской деятельности историка: интерпретация источников В. П. Бузескулом

Рассматриваются разнообразные технологии работы с источниками известного российского историка В. П. Бузескула: источниковедческий анализ, сопоставление содержания источников, привлечение мнений компетентных ученых о достоверности информации в источнике, комментированный пересказ источников.

Ключевые слова: историческая наука, историческое исследование, интерпретация источников, источниковедческий анализ, субъективизм, объективные оценки, истина.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Culture of Research Activity of the Historian: Interpretation of Sources by V. P. Buzeskul

Various technologies of work with sources of well-known Russian historian V. P. Buzeskul are considered: the source study analysis, comparison of the content of sources, involvement of qualified scientists' opinions about reliability of the information in a source, retelling of sources with comments.

Key words: a historical science, historical research, interpretation of sources, source study analysis, subjectivity, objective estimations, truth.

Труды В. П. Бузескула служат красноречивым свидетельством высокого уровня мастерства, достигнутого профессором в изучении и интерпретации источников. Требования извлекать из источников правду, относиться к ним без предвзятости и тенденциозных намерений он предъявлял не только к своим коллегам, но прежде всего – к себе. В связи с тем что тематика его собственных исследований имела богатую научную традицию (так как история афинской демократии уже получила довольно подробное освещение в трудах главным образом европейских ученых), он был вынужден вдумчиво изучать древнегреческие источники в поисках подтверждения или опровержения уже получивших популярность выводов и подходов к исследованию интересовавших его проблем. В предисловии к «Периклу» он откровенно говорит о том, что литература по истории Афин Перикловой эпохи чрезвычайно богата. «Многое из того, к чему я приходил путем самостоятельного изучения источников, при ближайшем знакомстве с литературой предмета я находил уже так или иначе высказанным, и я предпочел подвергнуться упреку в нагромождении излишнего балласта, нежели в подозрении в чем-то похожем на плагиат» [1]. «Балластом» он называет слишком подробные

ссылки и цитаты [2], которыми изобилуют его монографии.

Комментированный пересказ источников – произведений древнегреческих историков, поэтов и ораторов – лежит в основе не только монографий, но и лекционного курса «История афинской демократии». Явное предпочтение В. П. Бузескул отдает при этом сочинениям Аристотеля: ссылки на «Афинскую политику» встречаются в текстах и подстрочных примечаниях его трудов наиболее часто.

Как уже отмечалось ранее, В. П. Бузескул оказался среди тех историков, кто по достоинству оценил значение приобретенной в Египте Британским музеем и опубликованной впервые в Лондоне Ф. Кенионом (1891 г.) «Афинской политики» Аристотеля. Уже в 1891 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» он поместил рецензию на издание Ф. Кениона, а затем в ряде статей [3] и докторской диссертации подверг этот бесценный источник тщательному источниковедческому анализу. Результаты исследования «Афинской политики» рассмотрены также во «Введении к истории Греции», где, как и в диссертации, подробно разбираются такие вопросы, как полемика вокруг открытого трактата, обоснование принадлежности его к корпусу ари-

стотелевских сочинений, источники Аристотеля, значение «Афинской политики» для изучения государственного строя древних Афин [4].

Добросовестно проведенная работа с источником и тщательное его изучение дали В. П. Бузескулу возможность по-новому изложить внутривнутриполитическую историю афинского государства, сфокусировав свое внимание на развитии государственного строя Афин, в том числе и афинской демократии. «Источник этот, – сообщает он, – дает ряд новых фактов и проливает свет на многие вопросы. Таковы сообщения относительно перехода от монархии к аристократии, о смутах после Солона, о жребии, о роли совета, его обильные хронологические даты и прочее; он решает спор о Солоновой сисахфии, выясняет сущность Клисфенова деления на филы, триттии, демы... Многие моменты и подробности в истории афинской демократии представляются нам теперь в ином виде, нежели прежде» [5].

В. П. Бузескул подчеркивал, что только благодаря «Афинской политике» историки смогли отметить «великое значение гелиэи в деле развития демократии», понять важность борьбы из-за архонтства после реформы Солона, подметить взаимосвязь между такими явлениями, которые сразу и не бросаются в глаза, как, например, рост влияния демоса по мере развития морского могущества Афин [6].

Именно Аристотель натолкнул В. П. Бузескула на размышления о последовательном, «органическом развитии» афинского государственного строя, предостерег от идеализации Перикла, заставил критически взглянуть на проблемы афинской демократии [7].

В. П. Бузескул расточает похвалы Аристотелю за спокойный тон повествования, чуждый риторики, морализаторства и «партийной страстности»; за взвешенные оценки исторических фактов и деятельности политиков, которые «доходят иногда до высокого беспристрастия», хотя у греческого историка были политические симпатии антидемократического характера [8].

В. П. Бузескул отмечает ряд удачных исследовательских приемов, использованных Аристотелем, которые кажутся ему достойными не только античной, но и современной исторической науки: умения подметить самое существенное в массе фактов, охватить основные черты отдельных периодов, указать главные действующие силы и общее направление событий, раскрыть основополагающие причины, лежащие у истоков излагаемых им явлений [9].

Все эти достоинства «Афинской политики» и позволяют В. П. Бузескулу утверждать, что благодаря трактату изучение внутренней истории Афин вступило в новый «фазис» [10].

Вместе с тем В. П. Бузескул был далек от безмерного восхваления и канонизации трактата Аристотеля, в котором при сравнении с другими источниками выявилось немало фактических ошибок и погрешностей в примененных методах исследования, неувязок в структурировании материалов.

К числу наиболее серьезных недочетов трактата «Афинская политика» В. П. Бузескул относит – отсутствие строгой последовательности в изложении событий, что приводит либо к провалам и пропускам, либо к повторению сказанного. Так, в первых главах текста упоминание о восстании Килона «предшествует описанию социальных бедствий как главной причины кризиса и борьбы партий» [11], в то же время во второй и четвертой главах «в одинаковых почти выражениях говорится о борьбе между аристократами и демосом, о том, что земля была в руках немногих и о кабале бедных» [12];

– обилие противоречий и недомолвок, создающих впечатление сбивчивости и неясности изложения. К примеру, при описании «Драконовой конституции, в четвертой главе уже упоминаются пентакосиомедимны, всадники и зевгиты; а седьмая глава гласит, что Солон “разделил граждан на четыре класса... на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов”». В двадцать второй главе сказано, что в архонтство Телесина (487/486 г. до н. э.) впервые после тирании стали избирать архонтов по жребью, между тем как из восьмой главы следовало, что уже при Солоне применяли жребий при избрании архонтов [13];

– наличие неправдоподобных вставок. «Таков рассказ об участии Фемистокла в деле реформы ареопага (глава 25), противоречащий хронологии и свидетельству целого ряда источников, в том числе Фукидиду, и являющийся вымышленным анекдотом...» [14];

– пренебрежение процессом выявления причинно-следственных связей и сведение информации к сухому перечню фактов без философского осмысления, к мелким случайным поводам и личным мотивам, которым придается «громкое значение» [15]. Так, введение платы дикастам Аристотель объясняет стремлением Перикла одержать победу в соперничестве с Кимоном; информацию о причинах реформы Эфиальта

опускает, сущность реформ излагает краткими, неопределенными выражениями, в то время как биографическим подробностям, включая анекдотические, уделяется немало внимания [16].

Наличие «неясностей, противоречий, ошибок» [17] в аристотелевском трактате не позволяет В. П. Бузескулу «безусловно полагаться на него» [18]. Поэтому в «Истории афинской демократии» В. П. Бузескула и тем более в других его трудах присутствуют «осмотрительность» при использовании свидетельств Аристотеля, тщательность проверки и критика его сочинения [19].

К примеру, В. П. Бузескул не оспаривает сообщений Аристотеля о полномочиях ареопага накануне преобразований Солона. Ссылаясь на третью и восьмую главы «Афинской политики», он, вслед за Аристотелем, утверждает, что ареопаг сосредоточил в своих руках большую часть важнейших государственных дел: высшую контролирующую власть над действиями должностных лиц и народного собрания, высшие судебные, цензорские, религиозные полномочия, право назначения архонтов [20]. Вместе с тем он нередко сопоставляет данные Аристотеля с сообщениями Геродота (Афинская политика, 11, 13 – Геродот, 1, 29–30), Фукидида (Афинская политика, 18 – Фукидид, VI, 50), Ксенофонта (Афинская политика, 29–31 – Hellenika, гл. 36) и других античных авторов, а также с документальными и эпиграфическими источниками и, только убедившись в подлинности и правдивости информации «Афинской политики», использует ее в своих произведениях.

С огромной симпатией и нескрываемым восхищением В. П. Бузескул относится и к старшему современнику Аристотеля Фукидиду, который, по его словам, «положил начало истории как науке и создал истинную историческую критику» [21]. П. Бузескула привлекают в Фукидиде богатство и сила мысли, а «с точки зрения метода» – научность, глубина и цельность [22]. Фукидид – «выдающийся представитель греческой мысли» второй половины V в. до н. э. (века «разума, философии») [23] – стал главным информатором В. П. Бузескула по истории Пятидесятилетия и Пелопоннесской войны до зимы 411 г. до н. э., а также времени «Периклова правления» [24].

Одно из главных достоинств Фукидида, по мнению В. П. Бузескула, – это его точность, проверяемая при сличении, к примеру, пассажей историка с использованными им документальными

источниками: текстом перемирия Афин и Спарты 423 г. до н. э., договоров Афин с Аргосом, Мантинеей и проч. Будучи очевидцем и участником многих событий, Фукидид апеллировал не только к своим наблюдениям и эмоциям (хотя и они представляют для истории огромную ценность, так как греческий историк не был ослеплен «личными и политическими отношениями до сознательного извращения фактов», был свободен в своих суждениях «от множества предрассудков менее просвещенной части общества» [25]). Он использовал всю добытую им информацию, подвергая ее «возможно тщательной и точной проверке», что и позволяет В. П. Бузескулу – знатоку греческого письменного наследия V–IV вв. до н. э. – говорить о «добросовестности» Фукидида, «тщательности и осторожности в отыскании истины» [26].

Фукидид не питал симпатий к «неограниченной» демократии, так как его идеалом была «крайне умеренная демократия Пяти тысяч» [27], именно поэтому его взвешенные суждения о состоянии афинского государства середины V в. до н. э. кажутся В. П. Бузескулу наиболее справедливыми, эмоционально сдержанными, далекими от истеричной взвинченности ожесточенных противников демократии и в то же время не претендующими на безудержное восхваление сторонников этой формы государственного устройства. Фукидид, по мнению Л. Ранке, мог «быть справедливым по отношению к обеим сторонам» [28], и эту приверженность греческого историка беспристрастному, всестороннему суждению В. П. Бузескул особо ценит.

«Добросовестное изложение» Фукидидом фактов [29] дает В. П. Бузескулу основания при освещении истории Пелопоннесской войны ссылаться именно на свидетельства этого греческого историка, который сумел выделить не только поводы, но и причины междоусобной кровавой распри [30] Афин со Спартой, положившей начало «великому кризису, перелому» в истории всей Эллады [31].

Тот факт, что Фукидид был афинянином и афинским стратегом, позволяет В. П. Бузескулу доверять информации греческого историка о состоянии афинского государства накануне и во время Пелопоннесской войны: именно на Фукидида ссылается профессор, когда характеризует Фемистокла и его «морскую программу», направленную на укрепление демоса и установление господства демоса на море (I, 93), или когда дает оценку деятелям олигархического переворота

411 г. до н. э. (VIII, 68, 27). Фукидид прославил и Перикла, написав портрет, но не панегирик [32]: отметив достижения Перикла во внутренней политике Афин, он не скрыл некоторых военных промахов первого стратега (I, 114). Благодаря Фукидиду, утверждает В. П. Бузескул, историки XIX в. получали возможность создать представление о «чистой демократии»: в речи Перикла, прославляющей павших в Пелопоннесской войне воинов, в идеализированном свете показаны такие «светлые стороны демократии», как «свобода и равноправие, предпочтение, отдаваемое не знатности происхождения, а только способностям; отсутствие презрения к бедняку... добровольное повиновение граждан властям и законам... гуманность афинян, их любовь к прекрасному... к умственной деятельности... высокое развитие эстетических удовольствий... отвращение... к праздности, их энергия и неутомимая деятельность; наконец, их могущество» [33].

Вместе с тем Фукидид, в силу своих политических воззрений не готовый мириться с расширением прав демоса, ограничением полномочий ареопага, введением платы за выполнение государственных обязанностей, недвусмысленно заявил о том, что заслуга Перикла заключалась не в установлении «чистой, неограниченной демократии», а напротив, в превращении ее в единоличное правление лучшего мужа, который умело сдерживал демос и заставлял толпу подчиняться своей воле [34].

Враждебное отношение Фукидида к Клеону и другим демагогам В. П. Бузескул объясняет не только презрением греческого историка к «плебейскому» происхождению вождей демоса IV в. до н. э., но и их нескрываемой политикой угодничества народу [35], которая в конечном итоге привела к установлению «разнузданной демократии» – извращенной (по классификации Аристотеля) форме государственного устройства.

Хотя В. П. Бузескул не мог не заметить отдельных недостатков фукидидовой «Истории» (хронологические неточности, злоупотребление в использовании вымышленных речей героев и некоторые другие), он, в отличие от многих представителей гиперкритического направления в немецкой историографии (Мюллер-Штрюбинга, Пфлугк-Гартгунга, Ю. Шварца), применяет по отношению к знаменитому греческому историку «масштаб», соответствующий его таланту, называя его «величайшим» и достойным настолько, «насколько вообще может быть достоверно произведение человека» [36].

По частоте цитирования ссылки В. П. Бузескула на Фукидида уступают только аристотелевским.

Проницательность В. П. Бузескула и его научная добросовестность проявились также при оценке значения трудов других древнегреческих авторов, в каждом из которых, даже при наличии очевидных недостатков, свойственных всей античной историографии, он старался обнаружить и подчеркнуть явные достоинства и непреходящее значение для современного ему этапа развития науки об античности. Геродот вызывает симпатию В. П. Бузескула за чуждость «национальной исключительности и презрения к варварам», неприятие тирании, признание таких проявлений демократии, как исономия и исегория [37]. Ксенофонт, хотя и был лаконофилом, презиравшим афинскую демократию, вызывал интерес у В. П. Бузескула своим «трезвым, прозаическим умом», великолепным знанием военного дела и сельского хозяйства, внесением «нового элемента в греческую историографию» – жанра мемуаров, центральное место в которых занимал интерес к «отдельным личностям» [38]. Даже Плутарх, в сочинениях которого В. П. Бузескул не мог найти «точных сведений... верных наблюдений, исторической критики, строгого беспристрастия», получает похвалу как «неоценимый источник», заменяющий утраченную литературу, не дошедшую до наших дней: «О многих именах и деятелях мы узнаем подробности только благодаря Плутарху» [39].

В целом создается впечатление, что В. П. Бузескул относился к сообщениям источников с умеренно-критической позиции: без излишней придирчивости, но и без неоправданных восторгов. Он был готов доверять не только Аристотелю и Фукидиду, в творчестве которых обнаруживал элементы критического восприятия свидетельств и фактов [40]. Сообщения любого древнегреческого историка привлекаются им для уточнения приведенной информации, заострения полемичности проблемы, внесения элемента сомнения в сформулированном выводе, однако при всем к нему уважении подвергаются со свойственной исследователю тщательностью кропотливому анализу. Даже создатели литературных произведений: Феогнид, Архилох, Гесиод [41], Эсхил [42], Софокл [43], Еврипид [44] и другие – представляют для него интерес как выразители настроения эпохи, «переживаемых... событий и злободневных вопросов» [45], и их труды он нередко использует, чтобы оттенить основную нить

повествования, привести дополнительную аргументацию для доказательства выдвинутых положений.

В. П. Бузескул использовал весь пласт сохранившихся до наших дней источников: кроме исторических сочинений древности и литературных произведений, он привлекал речи знаменитых ораторов Греции (Демосфена [46], Исократ [47]), прибегал к данным эпиграфики [48], которые «умиравшим образом» действовали на историков-скептиков, внушая им больше доверия к античной традиции [49].

Разделяя постулаты представителей историко-критической школы, В. П. Бузескул стремился к «точному, по возможности объективному воссозданию прошлого» [50], поэтому он неустанно изъяснял готовность отыскивать истину, используя приемы «исторической критики», открытые, по его мнению, Фукидидом [51]. Очищение источников от более поздних напластований, информационных и смысловых, для выявления в них наиболее правдоподобного ядра превращается в одну из наиболее важных для него исследовательских задач, выдвигаемых им в процессе отыскания истины. *Приемы*, используемые при этом, довольно разнообразны, хотя их не всегда можно назвать строго научными.

В. П. Бузескул, к примеру, выражая сомнение в правдивости информации, приведенной в тексте, может сослаться на здравый смысл, на мнения авторитетных в его глазах специалистов, на модный в социологии метод так называемых «культурных переживаний», то есть на изучение обычаев, обрядов, праздников, запечатлевших свидетельства о самых ранних этапах истории изучаемых народов [52].

Так, В. П. Бузескул не согласен с мнением Фукидида (II, 15) о том, что Тезей – легендарный афинский царь – упразднил советы в двенадцати городах Аттики и учредил один для всей страны совет и один пританей в Афинах. Обращаясь к выводам Эд. Мейера, он сделал вывод о том, что в действительности это объединение «было результатом довольно долгого и, вероятно, тяжелого процесса» [53].

Примером критики сообщений источников, исходя из логики «здравого смысла» и с учетом «культурных переживаний», может служить фрагмент «Истории афинской демократии», в котором В. П. Бузескул подвергает сомнению представления Аристотеля (Афинская полития, гл. 41) и Плутарха (Сравнительные жизнеописания, гл. 24, 25) о начальной стадии оформления

демократии в Аттике. «Начало демократии в Афинах последующая традиция относила... еще ко времени Тезея... Тезей, собрав в Афинах разнообразный люд, создал будто бы демос и придал монархии более демократическое направление» [54]. Со всей категоричностью В. П. Бузескул отвергает рассуждения о Тезее как об «основателе и покровителе демократии» [55]: «Разумеется, подобные сообщения не заслуживают доверия. Не говоря уже о том, что Тезей – личность не историческая, а легендарная, в предании этом мы замечаем противоречия; оно и Солон считает основателем афинской демократии, и вообще трудно допустить, чтобы о столь отдаленном периоде аттической истории греческая литература сохранила сколько-нибудь достоверные сведения» [56].

Удивляясь тому, что последующие поколения отодвигали начало демократии в столь «отдаленную глубь веков», В. П. Бузескул приходит к заключению о том, что «в действительности от монархии Афины перешли... к аристократии, к архонтату» [57], о чем сообщал Аристотель в третьей главе «Афинской политии», которая, хотя и не была написана на документальных материалах, а укоренялась в «комбинациях мысли» историка, внушала ему доверие, так как совпадала с его собственными представлениями о медленном эволюционном падении монархии и установлении господства аристократии [58].

Несоответствие «внутреннему правдоподобию» вызывает протест В. П. Бузескула, что дает ему право не соглашаться со всеми умозаключениями даже высокочтимого им Аристотеля. К примеру, профессор отрицает, в отличие от греческого историка, что архонт Дракон, кроме своих законов, написал еще и конституцию, которая наделяла политическими правами не только евпатридов, но и всех граждан, имевших вооружение. Ему кажется невероятным, что Дракон учредил совет из четырехсот одного избранного по жребию гражданина, закрепил за ареопагом функцию контроля за исполнением законов, установил для избрания стратегов имущественный ценз, в десять раз превышающий тот, что существовал для архонтов [59]. В. П. Бузескул полагал, что изложение Аристотелем конституции Дракона находится в противоречии не только с отдельными фрагментами «Афинской политии», но и с остальной традицией древности, свидетельствующей о том, что вплоть до V в. до н. э. высшее место в государственном управлении Афин принадлежало архонтам, а не стратегам, а

руководство войском осуществлялось полемархом. «Драконова конституция представляет много сходных черт с теми олигархическими проектами, которые были распространены в Афинах в конце V в., в последний период Пелопоннесской войны, – считал В. П. Бузескул. – Она как бы выражает стремления и идеалы тогдашних афинских олигархов... Ее описание в Аристотелевском трактате плохо... согласуется с предыдущим и последующим текстом, пришито... белыми нитками. Поэтому мы склоняемся к выводу, что описываемая... Драконова конституция есть анахронизм... и составляет вставку, принадлежащую даже не Аристотелю» [60].

Одним из наиболее распространенных приемов В. П. Бузескула при работе с источниками является их сравнительный анализ. Как правило, автор сравнивает сообщения двух античных историков, посвященные изложению одного и того же вопроса. К примеру, объясняя необходимость проведения Солоном сисахфии, профессор сравнивает информацию второй главы «Афинской политики» Аристотеля и тринадцатой главы «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Аристотель считал, что «причины положения массы и ее недовольства... были двоякими: политические – олигархический строй и обусловленное этим полное бесправие демоса – и социально-экономические» [61]. Аристотель называл «бедных» пелатами и гектеморам (то есть шестидольниками), так как «за эту долю они обрабатывали поля богатых – вся же земля была в руках немногих – и в случае неисправных взносов обращались в рабство, и сами, и их дети», – цитирует В. П. Бузескул Аристотеля [62].

«В общем такую же картину тяжелого положения» земледельцев он обнаружил и у Плутарха, который подчеркивал большую степень опасности, нависшей над афинским государством из-за неравенства между бедными и богатыми, достигшей «своей наивысшей отметки». Но, в отличие от Аристотеля, Плутарх разделил обремененный долгами демос на две категории: гектеморов и фетов, которые за аренду земли у богатых выплачивали им шестую часть собранного урожая; крайне бедные граждане, которые брали в долг под залог тела и обращались в рабов при невозвращении в срок выданных им средств [63].

Сравнивая сообщения греческих историков, В. П. Бузескул заметил в них «преувеличения, неточности и неясности» [64]. Из информации источников он не смог понять, например, происхождение гектеморов и причины истинной бедст-

венности их положения, потому что, если они отдавали собственнику земли лишь шестую часть урожая, как об этом сообщает Плутарх, они не считались бы наиболее нищей и несправной частью населения Аттики [65].

В. П. Бузескул предположил, что гектеморы могли быть полузависимыми от богатых людьми, своего рода колоннами, которым угрожало рабство при несвоевременной выплате долга, так как своей земли они не имели, заложив ее когда-то займодавцам [66]. Однако он не настаивает на своем выводе, так как полагает, что «для надлежащего решения» вопроса о гектеморах необходимо «более точное и близкое знание условий тогдашнего хозяйства в Аттике, чем то, каким мы располагаем при данных источниках» [67].

В публикациях В. П. Бузескула можно встретить сравнение произведений, созданных одним автором: комедий Аристофана, речей Демосфена, сочинений Аристотеля. Так, доказывая принадлежность «Афинской политики» Аристотелю, он сопоставляет содержание этого трактата с другими подлинными трудами этого мыслителя, преимущественно с «Политикой». В поле его зрения находятся такие вопросы, как политические воззрения Аристотеля, раскрывающиеся при высказывании им отношения к реформам Солона, Писистрата, веку Перикла, «сельскому классу», вождям аристократической «партии»; точность изложения событий и фактов (время возникновения должности полемарха, значение преобразований Дракона, способ избрания архонтов, продолжительность тирании Писистратидов, направленность реформ Клисфена); литературный стиль и исследовательские приемы Стагирита, порядок расположения материала [68]. В результате внимательного сопоставления двух трактатов В. П. Бузескул пришел к выводу о наличии «полного соответствия» или «большого сходства» между «Афинской политикой» и «Политикой» [69], а также к заключению о «шаблонности» стиля Аристотеля [70].

Это же заключение, независимо от него, сделали П. Г. Виноградов [71] и М. М. Покровский [72], а также многочисленные зарубежные филологи: Кауэр, Крузиус, Нимейер [73], что, по мнению В. П. Бузескула, является «ручительством правильности» использованных им приемов сравнения и признанием достигнутых результатов [74].

В. П. Бузескул подвергает сравнительному анализу не только фрагменты трудов античных историков – нередко он сопоставляет информа-

цию исторических и литературных свидетельств [75]. Так, рассматривая «темные стороны» афинской демократии, он обратил внимание на консервативность мышления большинства афинских граждан, проявляющуюся при избрании кандидатов на некоторые высшие должности. Знатность происхождения и наличие богатства в Афинах никогда не теряли своей привлекательности, поэтому даже в период расцвета демократии дорога к власти и влиянию была открыта преимущественно обеспеченным аристократам.

Иллюстрируя эту мысль, В. П. Бузескул приводит слова Аристотеля о том, что в 50-е гг. V в. до н. э. в стратеги выбирались «неопытные в военном деле, но пользовавшиеся почетом ради славы предков» полководцы (Афинская политика, гл. 26), что делало неизбежной «громкость потерь» [76].

«Низость происхождения» афинских политиков была предметом осмеяния Аристофана, отношение которого к бедности «не составляло резкого диссонанса с настроением и воззрениями общества», – сделал вывод В. П. Бузескул [77].

Демосфен в своих речах призывал судей не унижать бедняков, предпочитавших жить трудом своих рук, не ставить им в вину выполнение работы, достойной только рабов, и не чинить препятствий в выполнении гражданских обязанностей [78].

Таким образом, привлечение разных по жанровой специфике и идейной направленности нарративных свидетельств (непредвзятого в оценке стратегов историка, насмешливого автора комедий и оратора-обличителя) дает исследователю возможность достичь поставленной цели: обстоятельно и аргументированно доказать выдвинутый тезис, в данном случае – сохранение такой привычки сознания афинян, как вера в превосходство нравственных и личностных качеств представителей знатных, влиятельных родов.

Стремление к доказуемости положений и тезисов, реализуемое при помощи свидетельств античных «единомышленников», порой заставляет В. П. Бузескула «забывать» о предназначении, контекстуальности, адресности произведений древних авторов, во всяком случае, он не злоупотребляет недоверием к сохранившейся информации и использует ее в полной мере ради достижения убедительных выводов.

Обратим внимание также на то, что В. П. Бузескул, работая со всем массивом доступной информации, всегда отдавал предпочтение истори-

ческим, а не литературным свидетельствам, и сочинения, созданные историками, ставил по степени значимости для своих трудов гораздо выше поэтических творений.

Так, сообщения Фукидида и Аристофана явно не обладали одинаковой ценностью для него. Фукидид, который «по объективности и беспристрастности стоит... чрезвычайно высоко» [79], не мог быть в его представлении сопоставим с Аристофаном.

В. П. Бузескул не отрицает, что «произведения комиков служат важным источником»: они дают «богатый и незаменимый материал для знакомства с внутренним состоянием и бытом Афин», наглядно изображают «тогдашнюю жизнь с ее повседневными интересами», правдиво и ярко «вводят... в эту жизнь» [80].

Иногда сообщения «комиков» воспринимаются им как единственная возможность иметь, хотя и в карикатурном виде, представление об исторической личности. Он ценит сочинения «комиков» за наличие связи, пусть и отдаленной, с действительными происшествными, популярными «толками», нашумевшими сплетнями. Однако В. П. Бузескул далек от мысли, что грубые и нередко личные нападки авторов комедий на историческую личность следует принимать за чистую монету и основывать научные выводы на клевете и карикатурах [81].

«Комики – не историки», – делает вывод В. П. Бузескул. Они хотели заставить публику смеяться, поэтому под их прицелом нередко оказывались «вещи... невинные и даже похвальные»: образованность, религиозность, способность к самопожертвованию – и, напротив, хвалы удостаивались «невежественность, нравственная испорченность», политическая индифферентность [82].

Аристофан, по мнению В. П. Бузескула, отличался непревзойденной язвительностью и беспощадностью, которые, по его представлениям, выросли на почве враждебного отношения к афинской демократии. Он «глумился» и над «презренным» демосом, и над его лидерами, хотя сам не обладал ни «широтой, ни глубиной политических взглядов», – писал В. П. Бузескул об Аристофане [83]. «И неужели после этого намекам и свидетельствам Аристофана мы будем придавать такую же цену, как словам Фукидида?» [84]

В целом В. П. Бузескул склонялся к мнению Нибура, Грота, Фишера, Мюллер-Штрюбинга о невозможности опираться исключительно на

мнения «комиков» при характеристике афинской демократии и личности Перикла [85], так как по степени достоверности и шкале объективности исторические сочинения древности и произведения смеховой культуры не равноценны [86].

Тем не менее, он не пренебрегал сообщениями Аристофана, хотя явно не разделял ни убеждений, ни литературных вольностей последнего. Ему вообще было чуждо «крайне скептическое» отношение к данным источников [87], как художественных, так и научных. Желание следовать «золотой середине» при их интерпретации проявилось, к примеру, при восприятии В. П. Бузескулом сообщений Аристотеля и Плутарха о политических преобразованиях Солона.

В отличие от Низе, Белоха, Р. Ю. Виппера, отрицавших «само существование Солоновой конституции», В. П. Бузескул «не находит возможным заходить так далеко», потому что в античной традиции, на его взгляд, несмотря на все преувеличения и стремления потомков приписывать одному лицу то, что являлось плодом работы нескольких деятелей или даже поколений, «заключается все же большая доля истины» [88]. Все сомнения, возникающие у него при изучении сообщений античных историков, в том числе и по содержанию реформ Солона, В. П. Бузескул пытался преодолевать в ходе своих исследовательских операций, направленных на постижение спорной в историографии проблемы.

Например, он ссылается на Аристотеля, когда приписывает Солону деление граждан на четыре имущественных разряда в соответствии с доходом, получаемым с земли, но, усомнившись в том, что эта реформа не учитывала источники благосостояния городского демоса, задается вопросом: «Принимался ли в соображение только доход с поземельной собственности, так что все лица, не владевшие землей, как бы ни была велика их движимость, их капитал, причислялись к фетам?» Отвечая на этот «спорный вопрос», он дает такой ответ: «Наши источники упоминают лишь о доходе с земли, и, следовательно, скорее говорят в пользу первого мнения: Атика в эпоху Солона представлялась все еще страной по преимуществу земледельческой» [89].

Прибегая к сравнительному анализу источников как наиболее результативной исследовательской процедуре, В. П. Бузескул получал дополнительную возможность продемонстрировать собственное видение излагаемой проблемы, высказать свою точку зрения, нередко оригинальную, не имевшую аналогов в историографии.

К примеру, сопоставив сообщения Аристотеля и Плутарха о деятельности Перикла, в частности о введении им денежного вознаграждения за выполнение должностных и гражданских обязанностей, В. П. Бузескул пришел к выводу о том, что античными историками эта мера воспринималась однозначно: как орудие политической борьбы Перикла с влиятельным соперником Кимоном. Профессор не согласен с тем, что денежное вознаграждение расценивалось Аристотелем и Плутархом как демагогический прием Перикла, продиктованный личными мотивами и направленный исключительно на достижение амбициозных целей. Он полагал, что «плата судьям вызывалась самой силой вещей... Она стоит в неразрывной связи с развитием деятельности гелиэи... Не будь вознаграждения, не было бы и необходимого числа дикастов; разве можно было ожидать, что всегда найдется в Аттике несколько сотен людей, которые ради отправления судейских обязанностей пожертвуют своим временем и трудом, оставят свои занятия, свое хозяйство?... Чем больше расширялась сфера влияния и деятельности гелиэи... тем важнее, с точки зрения вождей демократии, было не допустить, чтобы она очутилась в руках... врагов демоса и существовавшего в Афинах строя... Все сказанное относительно платы дикастам применительно еще в большей степени по отношению к жалованью членам совета... в виду той массы дел, которая подлежала рассмотрению... О жалованьи войску и флоту тоже нечего и говорить: тяжелые войны... морские маневры... делали плату тут мерой необходимой» [90].

Вступив, таким образом, в дискуссию с древнегреческими авторами, В. П. Бузескул пришел к убедительному выводу о том, что «система денежного вознаграждения была необходима для поддержания и упрочения существовавшего в Афинах строя. Без нее не могло быть и действительной демократии» [91].

В. П. Бузескул считал возможным поддерживать позицию того античного историка, чье мнение ему казалось более правдоподобным, исходя из «здравого смысла» или уже имеющихся, заранее сложившихся у него убеждений. С такой ситуацией мы сталкиваемся, когда В. П. Бузескул сравнивал мнения Фукидида и Аристотеля о деятельности Перикла и его роли в укреплении демократических порядков в Афинах. В отличие от Аристотеля (Афинская полития, гл. 27), отводившего Периклу скромное (по сравнению с Клизфеном, Фемистоклом, Эфиальтом) место в

развитии государственного строя Аттики, Фукидид признавал в Перикле выдающуюся личность (История... I, 139; II, 65) и связывал с его именем представления о полном расцвете афинской демократии, а также о наивысших успехах в развитии афинского государства и культуры [92]. В. П. Бузескул встал на сторону Фукидида и, доказывая созвучность представлений античного историка со своими собственными, посвятил личности и деятельности Перикла три параграфа в «Истории афинской демократии»: «Перикл», «Правление первого мужа» и «Основные черты афинской демократии; свобода и равноправие: идеал и действительность» [93]. Профессор утверждает, что Перикл дал окончательную организацию афинской демократии, создав условия для ограничения власти ареопага и привлечения к управлению государством всего демоса. Он обращает внимание на то, что Перикл действовал не в интересах одной только «партии демоса», опора на которую позволила ему достичь власти: он всегда преследовал блага целого, добиваясь роста морского могущества Афин, улучшения благосостояния граждан. При Перикле не было условий для проявлений «крайней демократии», так как он, продолжая политику лидеров аристократического происхождения, направил демократическое движение в нужное русло, урегулировал его, определил правовые границы.

Аналогичное мнение высказывал и Фукидид, сообщавший о том, что Перикл, «стоя во главе государства... правил умеренно... свободно правил массой, и не столько она руководила им, сколько он ею... По имени это была демократия, на деле же – правление первого мужа» (II, 65) [94].

Следовательно, В. П. Бузескул отбросил мнение Аристотеля как не соответствовавшее его собственным убеждениям и развил идеи Фукидида, найдя им подтверждение в источниках, в том числе и эпиграфических.

Работа В. П. Бузескула с эпиграфическими материалами была, на наш взгляд, очень продуктивной. Он никогда не злоупотреблял использованием «каменного архива» и не понимал увлеченности исследователей одними только эпиграфическими свидетельствами, явно не способными глубоко и всесторонне осветить сущность социально-политических процессов [95].

Но «не заходя слишком далеко» в модных увлечениях, он все же нередко прибегал к использованию документальных источников, оставленных на камне, и, соединяя эпиграфические мате-

риалы с сообщениями античных авторов, получал новые, важные для науки результаты.

К примеру, изучая взаимоотношения афинян с союзниками, В. П. Бузескул счел нужным прокомментировать договор с Эрифрами – городом в Малой Азии (памятник деятельности Кимона) и с Халкидой на острове Эвбея (445 г. до н. э.) (СИА, I, № 9) [96]. Полученные сведения позволили ему сделать вывод о том, что во времена Перикла власть Афин над союзниками усилилась, так как возросла степень зависимости последних [97]. Самым полным выражением централизации управления в Афинской симмахии и роста зависимого положения неавтономных союзников было их подчинение афинскому суду [98].

В. П. Бузескул обращался к эпиграфическим свидетельствам при изучении причин создания Второго афинского союза (СИА, II, № 17) [99], состояния афинских финансов (СИА, I, № 32) [100] и, что примечательно, при выяснении социальной сущности афинской демократии. Вопреки распространенному мнению о господстве в Афинах IV в. до н. э. охлократии, он, ссылаясь на исследования эпиграфических материалов, произведенные Сандвелом, заявил, что в эпоху Демосфена в совете пританов преобладали состоятельные элементы; послами, ораторами, стратегами, казначеями были тоже по преимуществу обеспеченные люди. «Даже в народном собрании в ту пору несостоятельная масса не играла той роли, какую ей иногда приписывают. Политическое влияние принадлежало скорее имущим классам», – делает он вывод, так как незначительные размеры жалованья за отправление должностных обязанностей перестали привлекать беднейших граждан [101].

При работе над всеми группами источников наблюдаются спокойная неторопливость, основательность и тщательность осуществления исследовательских операций В. П. Бузескулом, который полагал, что беспристрастие, отсутствие предвзятой мысли и полемического пыла характеризуют работу с материалами, уже прочно вошедшими в научный оборот, когда крайности суждений сглажены в процессе дискуссий, а пропасть, разделявшая противоположные мнения, заметно уменьшена [102].

Однако в ряде случаев нейтральное, безэмоциональное отношение к информации источников покидало В. П. Бузескула и он приступал к оценочным характеристикам отдельных деталей, привлечших его внимание в текстах.

К примеру, он лишний раз мог подчеркнуть, что Аристотель не сочувствовал демократии [103], или приписать Геродоту слова: «Какая хорошая вещь, политическая свобода», – пожурив при этом «отца истории» за негативное отношение к раннегреческой тирании [104]. Он почти навязывал читателю свое мнение о терпимости афинской демократии к нападкам на нее «комиков», одновременно заявляя, что свобода слова «иногда переходила всякие границы» [105]. При характеристике полководцев и политических деятелей нередко звучит эпитет «замечательный». Это тоже был своего рода прием воздействия на сознание читателей и способ корректировки их суждений: если авторитетный профессор считает Алкивиада, к примеру, «замечательной личностью» [106], то и изучающим афинскую историю следовало прийти к аналогичному выводу.

В. П. Бузескул мог напомнить аудитории, что оценка любой реформы может быть правильной и неправильной, поэтому он предлагал, к примеру, для «правильной оценки остракизма» принимать во внимание ряд обстоятельств: строгую очередность народных собраний, возбуждавших вопрос об изгнании политического лидера, наличие не менее шести тысяч граждан, несущих ответственность за принятие решения о сохранении жизни и имущества удаленного из страны гражданина [107].

Иногда в сочинениях В. П. Бузескула можно встретить такие приемы работы, которые ему самому при анализе трудов европейских антиковедов казались ошибочными. К их числу относятся «додумывание» за древнего автора, якобы по ошибке или недоразумению пропустившего изложение нужной информации, а также конструирование исторического процесса при отсутствии или недостатке свидетельств прошлого.

Употребляя при изучении источников слова «по-видимому», «вероятно», он не скрывает от нас, что излагает *свою версию* событий или процессов, объясняя при этом, что его вынуждает это делать скудость сведений источников [108] [курсив наш. – М. Н., Т. П.]. «Обширное поле для... догадок», по его мнению, открывалось тогда, когда «обстоятельства и условия, среди которых приходилось действовать [герою. – М. Н., Т. П.], неизвестны во всех *подробностях*» [109].

Например, анализируя реформы Клисфена в изложении Аристотеля, В. П. Бузескул счел нужным упомянуть фрагмент «Политики», в котором содержались сведения о том, что Клисфен «ввел

в филы» многих иностранцев: метеков и вольноотпущенников. Комментируя эту информацию, профессор высказал соображение о том, что «*вероятно*, они были приняты в существовавшие уже фратрии в качестве... членов религиозных союзов». На эту мысль его натолкнула интерпретация сообщений источника: в реформаторской деятельности Клисфена стремление перемешивать граждан внутри фратрий и фил проявлялось ярче, чем попытки создания новых фратрий [110] [курсив наш. – М. Н., Т. П.].

Воссоздавая политическую борьбу в Афинах во время Греко-персидских войн, В. П. Бузескул коснулся эпизода изгнания путем остракизма победителя персов при Марафонской битве Мильтиада. Имея немало военных заслуг, Мильтиад попытался использовать выданные ему государственные средства в личных целях: для совершения карательной экспедиции против жителей острова Парос из соображений личной мести. За это самоуправство Мильтиад был обвинен в государственной измене и приговорен к уплате истраченных денежных средств. Поясняя поведение афинян, вынесших столь суровый приговор выдающемуся полководцу, В. П. Бузескул сообщил: «*По-видимому*, афиняне могли опасаться, чтобы пример Мильтиада не нашел подражателей: они не желали, чтобы на будущее время их вожди распоряжались так народными средствами и силами, потому что это могло создать особое положение отдельного лица в государстве, привести к тирании, вовлечь государство в непредвиденные... опасности...» [111] [курсив наш. – М. Н., Т. П.].

Додумывая за античных историков, В. П. Бузескул, как и многие его коллеги, был вынужден приписывать греческим реформаторам мероприятия, которых те не совершали, но могли бы осуществить, если при анализе их деятельности руководствоваться логикой здравого смысла или ссылками на «исторические переживания». В этом случае недостающие в источнике звенья, казалось, можно было восстановить по имеющимся частям. Так, Г. Бузольт полагал, что Писистрат заботился о «сельском классе», потому что, истребив своих политических противников, он стал обладателем большого количества земель, которые можно было начать раздавать нуждавшимся гражданам. «Источники об этом не говорят», – заявляет В. П. Бузескул, – хотя и оставляют почву для подобных догадок, так как сообщают о введении Писистратом государственного кредита для нуждавшихся в семенах и

деньгах земледельцев и, кроме того, подчеркивают мудрость тирана, не допускавшего скопления праздно шатавшейся в городе бедноты [112].

Следовательно, при дефиците источников или отсутствии в них нужных исследователям подробностей неизбежно возникает необходимость в конструировании недостающих фрагментов или в наделении имеющихся источников дополнительными смыслами. Эти особенности источниковой базы античности позволяют В. П. Бузескулу констатировать следующее: все исследователи допускают «невольные ошибки» из-за неточностей, умалчивания, погрешностей, содержащихся в привлеченных свидетельствах [113].

К разряду таких «невольных ошибок» мы бы отнесли бузескуловский комментарий реформаторской политики Писистрата.

В. П. Бузескул считал, что экономические реформы Писистрата были радикальнее солоновских, так как афинский тиран «коснулся самого корня зла, от которого страдала масса земледельческого населения и от которого ее не могла радикально освободить даже сисахфия... Солона. Открыв кредит и оказав помощь земледельческому классу, Писистрат устранил самые причины тяжелого положения этого класса и сделал для Аттики невозможным в будущем повторение того экономического кризиса, который она пережила в конце VII и в начале VI в.» [114].

Из сообщений Геродота, Фукидида и Аристотеля о тирании Писистрата данный вывод не следует. Это и позволяет нам утверждать, что в ряде случаев В. П. Бузескул расставлял в свидетельствах античных авторов нужные ему акценты, придавал использованным материалам значение, созвучное его концепции, соответствующее его видению проблемы.

Однако эти ситуации не следует воспринимать как типичные и тем более утрировать их. Нам известно неприязненное, дышащее гневом отношение В. П. Бузескула к «произволу» в обращении с источниками (на примере жесткой критики им методов работы М. Дункера) [115]. Кроме того, он считал возмутительным причисление источников к разряду «несостоятельных» только лишь потому, «что мы не находим в них желательных нам подтверждений для наших теорий» [116].

Установка быть объективным и искреннее желание претворять это намерение в своих исследованиях не позволяли ему злоупотреблять приемом «додумывания» даже в тех случаях, когда при изложении одного и того же события

древнегреческой истории существовало несколько версий. В. П. Бузескул приводит эти версии и позволяет читателю выбрать ту, что кажется наиболее правдивой и обоснованной [117]. Так, при освещении тирании Тридцати он ссылается на факты, приводимые Аристотелем, Ксенофонтом, Лисием, и пропагандирует работы Г. Бузольта и Эд. Мейера, содержащие подробный разбор этих источников [118].

Для рассмотрения процесса над Сократом он использует «Воспоминания» Ксенофонта и «Апологию Сократа» Платона, сопровождая изложение содержания источников перечнем сочинений (Виндельбанда, Гомперца, Пельмана, Целлера, С. Н. Трубецкого), из которых можно было почерпнуть более подробную информацию о состоянии греческой философии второй половины V в. до н. э. и непосредственно о философском новаторстве Сократа [119].

В тех случаях, когда содержание источников напрямую было связано с главной проблемой научного творчества В. П. Бузескула – историей афинской демократии, он ярче высказывает свою, авторскую позицию, отказывается от позиции отстраненного и осторожного наблюдателя, присутствующей при разборе сюжетов, непосредственно не касающихся генезиса, сущности и проблем афинской демократии. В. П. Бузескул демонстрирует заинтересованность в осмыслении всех, даже самых мелких подробностей текста [120], готовность сличать варианты переводов произведений греческих авторов и делать выводы о близости их оригиналам [121], предлагать более удачные образцы русской трансляции текстов [122].

Помимо тщательного источниковедческого анализа, В. П. Бузескул прибегает к более обширному арсеналу приемов исследования античных свидетельств, которые можно выявить, изучая его научную полемику в защиту Перикла и основного информатора о личности и деятельности Перикла – Фукидида, очевидца расцвета демократии в Афинах.

По мнению В. П. Бузескула, «вопрос о Перикле тесно, неразрывно связан с вопросом о *достоверности Фукидида*... Пока за Фукидидом будет сохраняться слава истинного, великого историка, до тех пор и Перикл не может не оставаться в наших глазах великим человеком» [123].

Выдвинув это положение, В. П. Бузескул приступил к поискам доказательств надежности свидетельств древнегреческого историка, так как для того, чтобы поколебать «установившееся

высокое мнение о Перикле, нужно *прежде всего* поколебать авторитет Фукидида» [124]. Не случайно именно поэтому представители европейской историографии 70–80-х гг. XIX в.: М. Дункер, Г. Мюллер-Штрюбинг, Пфлугк-Гарттунг, готовые развенчать афинскую демократию и ее лидера, Перикла, приступили к решительному пересмотру сообщений Фукидида на основании обвинения автора «Истории Пелопоннесской войны» в мелочности, тенденциозности и непонимании сути исторического процесса [125].

Обвинения Фукидида нередко происходили голословно: достаточно было назвать его пристрастным свидетелем, усомниться в правдивости сообщенных им фактов, уличить в намеренном сокрытии важной информации, как это делали подчас М. Дункер и Г. Мюллер-Штрюбинг, чтобы породить скептическое отношение к возможности использования «Истории...» при изучении афинской демократии [126].

В. П. Бузескул, отказавшись принимать во внимание нападки на Фукидида со стороны ученых, не рассматривавших «подробно и систематически вопрос о степени достоверности» сочинения древнегреческого историка [127], вместе с тем старался учитывать мнения тех зарубежных ученых, которые отказывались слепо доверять Фукидиду, благоговей лишь перед его именем и преклоняясь исключительно перед его прославляемой в веках непогрешимостью. Уже Пфлугк-Гарттунг указал на неспособность Фукидида объективно оценивать события, вследствие того, что он участвовал в политической борьбе своего времени и, симпатизируя Периклу, представлял события в более выгодном для него свете [128]. В. П. Бузескул согласился с этими соображениями, считая, что «как бы ни были велики объективность Фукидида и его стремление к истине, а и субъективные мотивы должны были действовать» [129], поэтому он, признавая достоинства Фукидида, посчитал необходимым при осуществлении критического анализа «Истории...» применять к Фукидиду тот же «масштаб», что и ко всякому другому историку [130].

Источниковедческий анализ «Истории Пелопоннесской войны» дал возможность В. П. Бузескулу обнаружить у Фукидида «отдельные, частные промахи, ошибки и неточности... Он переносит современные ему мотивы и понятия в далекое прошлое. Он ошибается относительно положения мыса Малей (на Лесбосе, III, 4) и относительно ширины пролива у о. Сфактерия (IV, 8). Некоторые подробности, касающиеся осады

Платей (II, 71 сл.; III, 20 сл.), вызывают недоумения и сомнения. Неверно показана, может быть, и сумма фороса, установленная Аристидом (I, 96). Найдутся неясности и противоречия в хронологических указаниях Фукидида...» [131].

Эти промахи, неверные показания и неточности В. П. Бузескул относит к разряду ошибок «невольных», которые допустил бы каждый историк, живший за четыре века до нашей эры, когда еще не было «ни собранных материалов, ни стенографов, которые записывали бы речи, ни собрания этих речей, ни подробных донесений послов, ни обширной переписки руководящих деятелей – словом, того, чем располагает современная историческая наука по отношению к эпохам, к нам близким во времени» [132].

Кроме критического изучения источника, В. П. Бузескул прибегает к толкованию сведений, сохранившихся о Фукидиде. Это дает ему дополнительные шансы обосновать правдивость информации автора «Истории...» об афинских государственных порядках и личности Перикла.

Доказывая объективность Фукидида, В. П. Бузескул, в частности, использовал следующие аргументы:

– указал на «вполне зрелый возраст» историка, которому в начале Пелопоннесской войны было уже сорок лет; этот факт позволяет В. П. Бузескулу воспринимать Фукидида как человека, «совершенно сознательно и критически» относившегося к происходившим вокруг него явлениям и к деятельности «государственных людей» Афин [133];

– рассмотрел политическое кредо историка, который по происхождению и социальному статусу принадлежал к аристократам, находился в родственных связях с противником Перикла Кимоном, был консерватором по убеждениям. «Казалось бы... что сочувствие Фукидида скорее должно было бы склоняться на сторону Кимона и его партии, а никак не на сторону Перикла. А между тем мы видим наоборот» [134], – сообщал В. П. Бузескул, хотя не удержался от замечаний о том, что Фукидид был противником «чистой демократии» [135], презрительно отзывался о толпе, «изменчивой и непостоянной» [136], не скрывал своего враждебного отношения к Клеону [137]. Фукидид не мог принадлежать к «Перикловой партии», утверждал В. П. Бузескул, исправляя заключение Пфлугк-Гарттунга [138], так как весь образ жизни древнего историка и его мировоззрение делали его врагом демократии, следовательно, симпатия Фукидида к Периклу

может быть объяснима лишь тем, что «самая личность Перикла произвела сильное впечатление на историка... своими достоинствами» [139];

– познакомил с политической биографией Фукидида, который не принадлежал к «кабинетным ученым», но, будучи стратегом, опытным полководцем, активным участником политической жизни Афин, изгнанным из полиса за поражение под Амфиполем, обладал большим жизненным опытом и трезвой самооценкой, достаточными для того, чтобы не впасть в обиду и ненависть к своим неблагодарным согражданам, а без гнева и пристрастия, снимая ответственность с Афин и Перикла, но в то же время признавая и достоинства лакедемонян, справедливо осветить Пелопоннесскую войну: причины, сделавшие ее неизбежной, а также развертывание событий [140].

В. П. Бузескул пытался развенчать убеждения историков XIX в. в том, «будто все древние, за исключением одного только Фукидида, судят о Перикле неблагоприятно» [141]. С этой целью он приводит примеры (хотя, на наш взгляд, не очень красноречивые), содержащие упоминания Ксенофонта, Платона, Плутарха о некоторых наиболее выдающихся качествах Перикла: мудрости, справедливости, способностях, проявившихся в государственном управлении [142]. «Невыгодные мнения» о Перикле, появившиеся в IV в. до н. э., выделяются В. П. Бузескулом в особую группу [143].

Следующий этап доказательств достоверности сочинения Фукидида включал поиски В. П. Бузескулом неопровержимых свидетельств фактов, приводимых в «Истории Пелопоннесской войны», так как их обнаружение и могло служить подтверждением «высокого беспристрастия и проницательности, глубокого ума... тщательности и добросовестности» греческого историка [144].

В. П. Бузескул обратил внимание на то немаловажное обстоятельство, что многие известия Фукидида подтверждаются надписями. К примеру, его сообщение о том, что афиняне одновременно вели борьбу с несколькими врагами, и на море, и на суше, и в Европе, и в Африке (I, 104 сл.), подтверждает эпиграфическая находка: упоминание имен воинов Эреффейской филы, павших в один и тот же год в боях «на Кипре, в Египте, в Финикии, у Галиэй, у Эгины, у Мегары» (СИА, I, № 433) [145].

Некоторые сведения Фукидида из области географии, военного дела, демографии получали

восторженные, в оценке В. П. Бузескула, отклики у специалистов в этих же областях научных знаний, что служило доказательствами правдивости и искренности древнегреческого историка. Так, знаток географии Гольм пришел к выводу о том, что большую часть описаний из VI и VII книг Фукидида можно проследить на месте; свидетельства Фукидида о чуме, по словам Литре, давали полную возможность определить характер этой болезни; описание битвы у Пилоса Л. Ранке относил к историографическому перлу, а рассказ о Сицилийской экспедиции известный историк античности Макалей находил самым совершенным из того, что когда-либо создавала историческая проза. Сам В. П. Бузескул сделал вывод о том, что изложение олигархического переворота 411 г. до н. э. у Фукидида более совершенно, чем у Аристотеля [146].

Методы работы Фукидида над его сочинением: проверка полученных сведений, сличение мнений свидетелей, добросовестность в изложении фактов, наряду с применением приема исторической критики и стремлением к непредвзятому суждению [147], – дают В. П. Бузескулу основания для присоединения к мнениям Г. Нибура и Л. Ранке о Фукидиде как о величайшем историке античности, свидетельства которого достоверны настолько, насколько вообще может быть достоверно произведение человека [148].

Придя к этому выводу путем разнообразных исследовательских операций, В. П. Бузескул считал обоснованным апеллировать к труду Фукидида при изучении истории афинской демократии, а также личности и деятельности Перикла: «...в оценке и характеристике Перикла мы не имеем достаточных оснований à priori не верить ему [Фукидиду. – М. Н., Т. П.] и отвергать его точку зрения... сомнения тут не оправдываются никакими требованиями исторической критики» [149].

Итак, мы увидели, что при критическом разборе исторических материалов В. П. Бузескул использовал разнообразные технологии научной работы историка: источниковедческий анализ, сопоставление содержания свидетельств прошлого, выявление сущности замечаний «порицателей» древних авторов, привлечение мнений компетентных ученых о достоверности фактической и событийной информации источника и др.

Таким образом, постоянно доказывая свою приверженность историко-критическому направлению в историографии, В. П. Бузескул обращал особое внимание на «отыскание истины», и в

этом проявлялась его забота о точности исторического знания. Понимая, как трудно отличить истинное от ложного, особенно по ограниченному количеству сохранившихся свидетельств, как нелегко среди противоречивых известий выбрать достоверное, распознать истину в пристрастных сообщениях, он стремился с точностью применять приемы критического метода работы с историческими материалами – широко использовал сравнительный анализ источников: исторических трудов, литературных сочинений, эпиграфических и археологических памятников; пытался подтвердить содержание нарративного памятника документальным, «архивным» материалом; использовал возможности метода «культурных переживаний» – «воссоздания прошлого по сохранившимся обломкам» [150].

Питая, как и Л. Ранке, отвращение к вымыслу и фантазиям на страницах исторических трудов, он кропотливо изучал весь пласт источниковедческой, литературоведческой, исторической, этнографической, культурологической информации, которая при широкой образованности В. П. Бузескула давала ему дополнительную возможность подтвердить появлявшиеся в науке гипотезы или опровергнуть ошибочно возникшие мнения, в том числе связанные с интерпретацией текстов источников.

В. П. Бузескул был в курсе всех новинок, связанных с античной историей, культурой, языкознанием, и его поразительная эрудиция помогала ему разобраться в лабиринте поднимавшихся в науке сложных исторических и методологических проблем, принять грамотную позицию в научной полемике. В тех случаях, когда достоверность источников вызывала сомнение, добросовестность, тщательность и осторожность В. П. Бузескула помогали ему в процессе отыскания истины. Профессор старался быть беспристрастным, стремился к «стереоскопическим» характеристикам, далеким от крайностей субъективизма, и к всесторонним оценкам, которые ему казались объективными [151].

Примечания

1. Бузескул, В. П. Перикл: историко-критический этюд [Текст]. – Харьков, 1889. – С. V.
2. Там же. – С. IV.
3. Бузескул, В. П. Вопрос о новооткрытой ΑΘΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ [Текст] // ЖМНП. – 1892. – Июль. – С. 142–189; 1893. – Май. – С. 134–212; 1893. – Октябрь. – С. 450–483; 1894. – Июнь. – С. 329–373; 1894. – Июль. – С. 19–61.

4. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции: лекции [Текст]. – Харьков, 1903. – С. 158–216.
5. Там же. – С. 213.
6. Там же. – С. 177.
7. Там же. – С. 177, 214, 215.
8. Там же. – С. 173, 175.
9. Там же. – С. 177, 178.
10. Там же. – С. 213.
11. Там же. – С. 180.
12. Там же. – С. 181.
13. Там же. – С. 181, 182.
14. Там же. – С. 182.
15. Там же. – С. 176.
16. Там же. – С. 176, 177, 202.
17. Там же. – С. 191.
18. Там же.
19. Там же.
20. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – СПб., 1909. – С. 36, 120.
21. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 80.
22. Там же. – С. 79.
23. Там же. – С. 81, 79.
24. Там же. – С. 78, 80.
25. Там же. – С. 115, прим. 3.
26. Там же. – С. 86.
27. Там же. – С. 96, 97, 99.
28. Там же. – С. 101; Он же. Перикл... [Текст]. – С. 40.
29. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 100.
30. Там же. – С. 110.
31. Там же. – С. 79.
32. Там же. – С. 100.
33. Там же. – С. 98, 99.
34. Там же. – С. 98.
35. Там же. – С. 98, 100.
36. Там же. – С. 115.
37. Там же. – С. 63, 64.
38. Там же. – С. 133, 128.
39. Там же. – С. 284.
40. Бузескул, В. П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков [Текст] // Образование : педагогический, литературный и научно-популярный журнал (СПб.). – 1902. – № 11. – Ноябрь. – С. 35, 44.
41. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 16, 17, 19–21.
42. Там же. – С. 124.
43. Там же. – С. 212.
44. Там же. – С. 197, 205, 383.
45. Там же. – С. 124.
46. Там же. – С. 196, 222.
47. Там же. – С. 29, прим.; 423, 441.
48. Там же. – С. 144, 165, 174 и др.
49. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 505.
50. Там же. – С. 88.

51. Бузескул, В. П. Исторический процесс... [Текст]. – С. 35.
52. Там же. – С. 28.
53. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 28.
54. Там же. – С. 31, 32.
55. Там же. – С. 31.
56. Там же. – С. 32.
57. Там же.
58. Там же. – С. 33.
59. Там же. – С. 43.
60. Там же. – С. 43, 44.
61. Там же. – С. 45.
62. Там же.
63. Там же.
64. Там же. – С. 46.
65. Там же. – С. 46, 47.
66. Там же. – С. 46.
67. Там же. – С. 47.
68. Бузескул, В. П. Вопрос о новооткрытой ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ [Текст] // ЖМНП. – 1893. – Май. – С. 183–212.
69. Там же. – С. 200, 204, 212.
70. Там же. – С. 206.
71. Там же. – С. 182.
72. Там же. – С. 206.
73. Там же. – С. 195.
74. Там же.
75. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. См., к примеру: с. 194, 195, 340, 368, прим.; 424.
76. Там же. – С. 194.
77. Там же. – С. 195; Он же. Перикл... [Текст]. – С. 64.
78. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 196.
79. Там же. – С. 260.
80. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 63.
81. Там же.
82. Там же. – С. 65.
83. Там же. – С. 64.
84. Там же. – С. 66.
85. Там же. – С. 63.
86. Там же. – С. 64.
87. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 63.
88. Там же.
89. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 55. Правда, позже, словно забыв об этом выводе, В. П. Бузескул начинает утверждать, что после названной реформы Солона «аристократия в сущности заменилась тимократией... размер ценза был таков, что в состав [первых классов. – М. Н., Т. П.] входили не одни только крупные землевладельцы», так как при благоприятных обстоятельствах состоятельным человеком мог сделаться и незнатный // Там же. – С. 57. При этом автор не объясняет, как при отсутствии частной собственности на землю и сосредоточении земельных богатств в руках аристократии представителю демоса можно было стать обладателем крупной земельной собственности.
90. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 159, 160.
91. Там же. – С. 159.
92. Там же. – С. 156, 157.
93. Там же. – С. 146–200.
94. Там же. – С. 156.
95. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 504, 507.
96. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 229–235.
97. Там же. – С. 229.
98. Там же. – С. 231.
99. Там же. – С. 398.
100. Там же. – С. 174.
101. Там же. – С. 413.
102. Бузескул, В. П. Вопрос о новооткрытой... [Текст] // ЖМНП. – 1892. – Июль. – С. 189.
103. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 92.
104. Там же. – С. 94.
105. Там же. – С. 189.
106. Там же. – С. 308.
107. Там же. – С. 92, 93.
108. Там же. – С. 96, 97.
109. Там же. – С. 187. Курсив В. П. Бузескула.
110. Бузескул В. П. История афинской демократии. – С. 86.
111. Там же. – С. 86.
112. Там же. – С. 72, 73.
113. Бузескул, В. П. Прибавления [Текст] // Перикл... – С. 410. Курсив В. П. Бузескула.
114. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 73.
115. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 141.
116. Бузескул, В. П. Прибавления [Текст] // Перикл... – С. 410.
117. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. 333–341. На этих страницах подробно излагаются две версии, Фукидида и Аристотеля, об олигархическом перевороте в Афинах в 411 г. до н. э.
118. Там же. – С. 368, прим. 1.
119. Там же. – С. 379, прим. 1.
120. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 32, прим. 1.
121. Там же. – С. 31, прим. 2.
122. Там же. – С. 47, прим. 2.
123. Там же. – С. 34. Курсив В. П. Бузескула.
124. Там же. – С. 34. Курсив В. П. Бузескула.
125. Фролов, Э. Д. Русская наука об античности [Текст]. – СПб., 1999. – С. 317.
126. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 34, 37.
127. Там же. – С. 34; Он же. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 112.
128. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 35.
129. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции...

- [Текст]. – С. 114.
130. Там же. – С. 114; Он же. Перикл... [Текст]. – С. 42, 43.
131. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 114.
132. Там же. – С. 115, 116.
- Современник В. П. Бузескула, профессор Ф. Г. Мищенко, посвятивший изучению творчества Фукидида свое исследование, указал другие причины, неизбежно приводившие к тиражированию неточностей изложения и односторонности суждений греческого историка: «...общие условия культуры того времени, и, в частности, историографии», делали Фукидида зависимым от влияния своего времени, от определенных умственных и литературных привычек и связанных с ними социальных симпатий и антипатий. Поэтому, несмотря на дарования Фукидида и стремление быть правдивым, «достоверность замечательнейшего историка древности лишь относительная» // Мищенко, Ф. Г. Фукидид и его сочинение [Текст]. – М., 1888. Послесловие к переводу. – С. ССХIII–ССХIV.
133. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 43, прим. 1.
134. Там же. – С. 45, 46.
135. Там же. – С. 48.
136. Там же. – С. 46.
137. Там же. – С. 48.
138. Там же. – С. 45.
139. Там же. – С. 49, 50; Он же. К вопросу о политическом демократизме Фукидида (ответ Ф. Г. Мищенко) [Текст] // ЖМНП. – 1890. – Декабрь. – С. 142–150.
140. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 40, 50.
141. Там же. – С. 53.
142. Там же. – С. 53–55.
143. Там же. – С. 56.
144. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 116.
145. Там же.
146. Там же.
147. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 37–40.
148. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 115.
149. Бузескул, В. П. Перикл... [Текст]. – С. 43.
150. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 118.
151. Бузескул, В. П. История афинской демократии [Текст]. – С. VI.